В профсоюзе РАН рассказали, где ученым взять 200-процентную зарплату

Ученым до сих пор не платят 200-процентную зарплату: в Минобрнауки хотят, чтобы они зарабатывали на прибавку сами

Поделиться

-
-
-
-
-

Для директоров российских научно-исследовательских институтов совсем скоро, возможно, уже в начале октября, наступит момент истины. Приближается «кара», которой грозил в июле по видеоконференцсвязи заместитель министра науки и высшего образования Андрей Омельчук. Руководителей институтов, которые не поднимут среднюю зарплату научных сотрудников до 200% от средней по региону, могут лишить премий, подвергнуть дисциплинарным взысканиям и даже уволить. А поскольку в реальном выражении (с учетом инфляции и в процентах ВВП) расходы на науку снижаются, директоров научных организаций вынуждают в одночасье превратиться в коммерсантов, просителей, волшебников или просто разогнать «лишних» сотрудников своих НИИ и за счет этого удвоить зарплаты оставшимся.

Фото: Алексей Меринов

Напомню, что речь идет о выполнении майского указа президента Владимира Путина №597 от 2012 г., предусматривавшего, что средняя зарплата научных сотрудников должна была уже с 2018 года составлять не менее 200% от средней по региону.

Многие подумали: платили, к примеру, человеку 50 тысяч, но наступит 2018 год, и будут ему платить в два раза больше среднего оклада по региону. Если в Москве — это около 80 тысяч, значит, младшему научному сотруднику будут платить не менее 160 тысяч рублей в месяц. Красота, да и только. На самом деле оказалось не все так красиво: зарплаты конкретных научных сотрудников зависят от их

квалификации, сложности, количества и качества выполняемой работы, а отчитываются директора их средней зарплатой.

При этом как по объему внутренних затрат на исследования и разработки в целом, так и по финансированию фундаментальных исследований в отношении к ВВП Российская Федерация по-прежнему в два-три раза отстает от большинства развитых стран. Для исполнения президентского указа руководителям научных организаций приходится массово переводить научных сотрудников на полставки. Хотели, как говорится, удвоение, получите — примерно ту же самую зарплату, что и была.

Самый громкий скандал по этому поводу разразился в 2021 году, когда напрямую Владимиру Владимировичу об урезанной ставке и своей низкой зарплате (далекой от той, что обещали) пожаловалась молодая исследовательница из сибирского Института цитологии и генетики СО РАН Анастасия Проскурина. На место для разбирательства выезжал замминистра науки и высшего образования Петр Кучеренко (ныне покойный), который и объяснил молодым ученым, что они все не так поняли, что на самом деле президент говорил о повышении, имея в виду не только зарплатный фонд отдельного института, а все имеющиеся у этого института гранты (которые, к слову, всегда считались в институтах дополнительным доходом).

С грантами все вроде бы сходилось, но далеко не у всех, поскольку на всех научных сотрудников они никогда не распределяются. По словам ученых, которые комментировали тогда ситуацию, только 30% научных сотрудников стали получать больше денег за счет грантов, а остальные 70% — значительно меньше заявленного. И как решать эту проблему, при том что, кроме зарплат, денег не хватало ни на оплату ЖКХ, ни на новое оборудование, никто не знал. Институты первой категории, которые получали какие-то дополнительные средства на обновление приборного парка, еще как-то сводили концы с концами, а остальные, примерно три четверти организаций, получается, так и не смогли выполнить указ.

И вот теперь, спустя годы, профильное министерство решительным образом потребовало все-таки осуществить начатое.

Мы попросили прокомментировать ситуацию председателя Профсоюза работников Российской академии наук, заместителя директора Фрязинского филиала института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН, профессора РАН Галину Чучеву.

Галина Чучева. Фото: Профсоюз РАН

— Галина Викторовна, почему именно сейчас так остро подняло вопрос Минобрнауки России?

— На самом деле вопрос о необходимости выполнять зарплатный указ поднимается регулярно. Институты ежеквартально отчитываются по этому показателю. По результатам отчетов министерство ежегодно проводит совещания с директорами, аналогичные нынешнему июльскому. Дело в том, что на выполнение указа выделяются дополнительные к госзаданию средства, которые рекомендуется тратить в основном на зарплаты научных сотрудников. Чиновникам ведь тоже приходится отчитываться перед властью.

Обычно дополнительные средства «на указ» поступают в конце года, а в этот раз их распределили уже в начале, поэтому предварительные итоги подвели по истечении двух кварталов. И обнаружили, что заметного улучшения статистики не произошло. При этом фонд оплаты труда научных сотрудников был увеличен более чем на 20% к уровню прошлого года, прибавка научным организациям составила 15,6 миллиарда рублей.

— То есть прибавку дали в размере 20%, а потребовали увеличить зарплату сотрудникам до 200%?

— Получается что так. Хотя все понимают, что лучше было бы наоборот. По итогам упомянутого совещания профсоюз работников РАН выпустил заявление, в котором говорится, что попытка решить проблему выполнения указа одними только административными мерами ослабит институты. Мы убеждены: правильное решение — увеличить финансирование госзадания.

— Как же так вышло, что проблему переложили на плечи руководителей институтов? Разве не Министерство финансов РФ должно было в первую очередь подчиниться указу президента?

— Конечно, финансисты должны выделять бюджетные средства в сумме, которая обеспечивала бы выполнение решения главы государства. Профсоюз вместе с РАН выступает за увеличение финансирования науки, фундаментальных исследований, объема средств на госзадание. Наши представители участвуют в работе комиссии РАН по разработке рекомендаций об объеме средств, предусматриваемых в федеральном бюджете на очередной финансовый год на финансирование фундаментальных и поисковых исследований и о направлениях их расходования. Эта комиссия

ежегодно готовит рекомендации для принятия на Общем собрании членов академии на ближайшую трехлетку, которые направляются в правительство РФ и президенту страны. В этот раз Академия наук предложила довести финансирование фундаментальных исследований к 2028 году с нынешних 0,145 до 0,4% ВВП. Выполнение расписанных по годам рекомендаций РАН позволит решить наиболее острые из стоящих перед фундаментальной наукой проблем.

— Если выразить сегодняшнюю нехватку средств в процентах, сколько получится?

— По оценкам профсоюза работников РАН, объем субсидий на выполнение государственного задания научных организаций рассчитывается по нормативам, обеспечивающим финансирование в среднем около 50% научных сотрудников. И, соответственно, остального персонала, научно-технического и административно-управленческого, средства на который выделяются в соответствии с количеством научных кадров. Понятно, что при такой нехватке средств директор вынужден расходовать субсидию прежде всего на налоги, «коммуналку», зарплату всем работникам. На доплаты научным сотрудникам в соответствии с требованиями указа президента бюджетного финансирования, как правило, не хватает. А достаточный объем внебюджетки есть далеко не у всех.

— Но в министерстве не могут не понимать, что 20%-я прибавка на оплату труда научных сотрудников при исходном 50%-м общем недофинансировании — это очень и очень мало. Как должны выкручиваться директора институтов?

— Руководителям предложено искать внебюджетные источники дохода и оптимизировать расходы, в том числе при необходимости сокращать административно-управленческий персонал.

— Помнится, когда создавалось сначала ФАНО, а затем Министерство науки и высшего образования, ученым обещали, что они будут заниматься только наукой, а все организационные и хозяйственные вопросы возьмут на себя чиновники. Однако на деле выходит, что ученым никто по большому счету помогать не собирается. Есть хоть один пример разработки «успешными менеджерами» от министерств вспомогательного «бизнес-плана» для отдельно взятого НИИ?

— Планы своей работы институты формируют сами. В настоящее время власть стремится к снижению зависимости науки от госбюджета. Надо сказать, что и Минобрнауки, и Российская академия наук прилагают серьезные усилия, чтобы помочь научным организациям привлекать для обеспечения своей деятельности внебюджетные средства. Институтам помогают включаться в госпрограммы и входящие в них федеральные программы (по космосу, здравоохранению, транспорту, сельскому хозяйству, генетическим технологиям). Проводятся конкурсы на создание молодежных лабораторий, обновление техники и инфраструктуры. С некоторых пор выделять средства для развития инфраструктуры и реализации программ исследований научным учреждениям и вузам могут регионы. Вводятся все новые налоговые льготы для частных компаний, финансирующих НИОКР (Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. **— Авт.**).

Конечно, институты должны учиться зарабатывать, взаимодействуя с заказчиками из промышленного сектора. В нынешних условиях наука не может быть замкнутой системой, оторванной от реальных нужд экономики. Но надо понимать, что возможности разных организаций в этом плане сильно отличаются. Коллективам, которые концентрировались на фундаментальных исследованиях, научиться говорить с бизнесом на одном языке не так просто. Нельзя забывать и о серьезных административных барьерах на пути сотрудничества бюджетных структур с коммерческими.

— Я смотрела видео июльского ВКС-совещания. Там прозвучала следующая мысль: не стоит принимать научных сотрудников, если не обеспечены дополнительные источники их финансирования. Иными словами, речь о том, что молодые ученые нам больше не нужны, денег на них нет, так что ли?

— Да, это точно не делает науку более привлекательной для молодежи. Руководители институтов, конечно, стараются привлекать и удерживать талантливых молодых исследователей, но за счет одних бюджетных средств этого не сделаешь.

Поэтому мы настаиваем на увеличении уже в этом году финансирования госзадания академическим институтам до величин, покрывающих расходы уже не на 50, как сегодня, а на 70% штатных сотрудников.

— Боюсь спросить, а как вообще выполняется график повышения бюджетных расходов на гражданские исследования и разработки науки до 2% процентов ВВП к 2030 году, о котором говорил в 2024 году президент страны?

— Дело в том, что 11 июня этого года Госдума РФ приняла закон об уточнении параметров федерального бюджета на 2025 год и плановый период 2026–2027 гг. Предполагается увеличение

прогнозируемого объема ВВП по итогам 2025 года, Понятно, что при сохранившихся объемах финансирования науки в этот график мы не укладываемся.

— Интересно, как тогда строился график увеличения внутренних затрат на исследования и разработки, который вошел в Единый план по достижению национальных целей РФ до 2030 года и с перспективой до 2036 года?

— Выстроен он довольно интересно. Вместо ожидаемой линейной функции (примерно по 0,17% прибавки в год), получилась кривая, близкая к параболе. В течение трех лет рост небольшой, по 0,07–0,11% от ВВП, и лишь с 2029 года происходит резкий рывок к запланированным 2 процентам — сразу по 0,24 и 0,31%. Не очень понятно, можно ли это обеспечить в реальности.

Мы выступаем за линейный рост, который даст нашей науке последовательно и успешно развиваться. Иначе начнется деградация, и потом, вливай не вливай средства, догонять будет поздно. За долгие годы безденежья разбазарим кадровый потенциал, потеряем компетенции, навсегда отстанем от ведущих стран мира.

Справка «МК». По данным Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики (ИСИЭЗ ВШЭ) на конец 2024 года, Россия расходует на науку примерно 1% ВВП в год и занимает 43-е место в мировом рейтинге. Лидируют же в нем следующие страны: Израиль (6%), Южная Корея (5,2%), Тайвань (4%), США (3,6%).

-

Авторы:

- Наталья Веденеева